

ния, и если не навек, так надолго, очень надолго. Мой товар и 10 000 франков: это хорошо для начала; я возвращусь не скоро, сестрица. Не думайте же обо мне, забудьте меня, ведь я могу умереть... может быть, вам выйдет выгодная партия...

— Любите ли вы меня? — спросила Евгения.

— О! да, да! — отвечал Шарль.

— Так я буду ждать тебя, мой возлюбленный!.. Боже мой! батюшка на нас смотрит из окна, — вскричала она, отводя рукой Шарля, который бросился обнять ее.

Она остановилась в коридоре. Шарль побежал за ней. Заметив это, Евгения взойшла на лестницу и отворила дверь. Не зная, что делала, не помня более себя, она очутилась возле комнаты Нанеты, в самом темном углу коридора. Шарль схватил ее за руку, обнял ее и прижал к своему сердцу. Евгения не сопротивлялась более и разменялась с ним самым чистым, самым пламенным поцелуем.

— Ты будешь моею, ты моя, Евгения, — говорил Шарль.

— Аминь! — скрепила Нанета, быстро отворив дверь свою.

Испуганные любовники кинулись в залу; Евгения схватила работу, а Шарль начал читать псалом Пресвятой Богородице в молитвеннике госпожи Гранде.

— Ага! — сказала Нанета, — мы все теперь за молитвами.

Когда был объявлен срок отъезду Шарля, Гранде захлопотал, чтобы выказать всем, как дорог ему племянник. Где не нужно было тратить денег, там он был щедр донельзя. Сыскал Шарлю столяра, потому что потребовалось сколотить несколько ящиков; но под предлогом, что с него запросили дорого, начал сам строгать и точить коробки из гнилых досок. С раннего утра он вставал, резал, точил, стругал, мерял, прикладывал и сработал славные ящики; сам уложил в них все вещи племянника и взялся их отправить на барке вниз по Луаре и к сроку доставить в Нант.

С эпохи поцелуя часы летели, как молния, для бедной Евгении. Иногда ей приходило в голову ехать вместе с Шарлем. Тот, кто испытал пламя страсти на сердце своем, пламя страсти внезапной, которая разом перерождает человека, сгоняет и болезни, и время, и возраст, тот поймет мучения Евгении. Часто, рыдая, бегала она по дорожкам маленького сада; но он был для нее тесен; дом их был для нее тесен, — сердце ее рвалось на свободу, далеко, на беспредельные равнины моря, вслед за своим Шарлем.

Наконец настал и предпоследний день отъезда. Утром, в отсутствие Гранде и Нанеты, драгоценный медальон Шарля был торжественно перенесен в комод Евгении, в котором лежал те-